

УДК 821.161.1-32

И.П. Поборчая**ТЕМА БЕЗУМИЯ В РАССКАЗЕ В. НАБОКОВА
«ПОСЕЩЕНИЕ МУЗЕЯ»**

Тема безумия имеет глубокие корни как в зарубежной, так и в русской литературе. Одно только перечисление названий произведений русской классической литературы, в которых в той или иной степени была затронута проблема безумия, заняло бы значительную часть статьи. Само понимание феномена безумия с античных времен до наших дней претерпело значительные изменения. Эпоха романтизма определила тот глубокий интерес к пограничным состояниям личности, который закрепился и в последующие века.

В последние десятилетия возрос интерес к изучению этой проблематики в творчестве русских писателей. Среди наиболее содержательных трудов, посвященных феномену безумия, следует назвать диссертационные работы Л.К. Антошук [1], А.В. Селезневой [9], М.А. Зиминой [3], И.А. Назарова [7], монографию О.А. Иоскевич [4], статью Т.А. Терновой [10] и др. В них достаточно полно анализируются истоки и эволюция темы безумия в русской литературе XIX – начала XX столетия, определяется типология интерпретации безумия в художественных произведениях как романтиков, так и реалистов, характеризуются функциональные особенности этой темы в сюжетно-композиционном строении текстов и нарратологических стратегиях писателей.

Вместе с тем проблематика безумия в творчестве писателей XX века разработана в современной науке не так полно. Целью нашей статьи является исследование названной выше темы на материале рассказа В.–Набокова «Посещение музея».

Безумие, как и категория памяти, составляют основу набоковской картины мира. Свидетель многих разрушительных процессов XX века, Набоков утвердился во мнении об отклонении человечества от

нормального исторического развития. Будучи яростным противником любых античеловечных режимов, он усматривал в них элемент безумия. Такая оценка современной действительности легла в основу многих произведений писателя – «Приглашение на казнь», «Истребление тиранов», «Бледный огонь», «Под знаком незаконнорожденных», «Изобретение Вальса» и др.

Вместе с тем в художественном наследии Набокова можно увидеть произведения, в которых воспроизводится индивидуальная модель безумия. Среди них роман «Защита Лужина», в котором, как отметила Нора Букс, моделирующую функцию выполняет такой психопатологический феномен, как аутическое мышление героя [2, с. 174]. Не менее очевидна структурообразующая роль концепта безумия в романе «Отчаяние», где навязчивая идея удвоения, а затем и подмены личности, приводит к разрушению психики главного героя.

Безумие как форма неприятия действительности, как состояние ухода от реального мира находит выражение и в малой прозе писателя. Так, герой рассказа «Знаки и символы» ощущает непреходящую тревогу, ожидание агрессии со стороны не столько людей, сколько материальных объектов мироздания, объединившихся в противостоянии его судьбе. «Референтивная» (соотносительная) мания становится причиной его гибели.

Иная модель безумия представлена в рассказе «Ultima Thule», герой которого Фальтер теряет разум, познав тайну бытия. Открываясь ему информация превышает возможности человеческого сознания.

Можно было бы привести множество других примеров устойчивого интереса Набокова к измененным формам сознания и поведения человека. Утрата душевного равновесия, психические расстройства, отклонения от общепринятых норм общения имеют в каждом конкретном случае свои причины. Но есть и нечто объединяющее эти случаи девиантного поведения героев набоковских произведений. Если для романтической традиции характерна модальность «высокого», творческого безумия, то в произведениях Набокова определяющей становится модальность неприятия, отторжения безумия как признака возрастающей аномальности бытия. В этом смысле особенно

показателен рассказ «Посещение музея», который, к сожалению, до сих пор остается в тени большой прозы писателя.

Этот рассказ – одно из самых загадочных произведений Набокова. Фантастическое и реальное сочетается в нем в таких формах и пропорциях, что читатель лишается возможности логическим путем объяснить для себя природу изображенных в рассказе событий. Набоков всегда был склонен к мистификации, игре с читателем, стремился зашифровать ключи к разгадке тайных смыслов своих произведений. Не случайно в статье «От третьего лица» он утверждал, что «разгадывание загадки – это высший и основополагающий акт человеческой мысли» [6, с. 496]. Интерес к иррациональной, непознанной стороне бытия во многом определил вектор творческих исканий писателя. От простых мифопоэтических образов, характерных для его ранних рассказов, Набоков переходил к сатирическим и философским направлениям художественной мысли. Объектом его пристального внимания становилась неповторимая человеческая личность, помещенная в загадочные и во многом необъяснимые обстоятельства.

Такой загадкой в данном случае является характер событий, происшедших с героем рассказа «Посещение музея». Весьма прозаическое название никак не предвещает последующей замысловатости сюжета.

Повествование в рассказе ведется от первого лица. Диегетический нарратор позиционирует себя как человека здравомыслящего, не склонного к необдуманным поступкам. Тем удивительнее события, невольным участником которых он оказывается. Набоков наделил рассказчика некоторыми чертами собственной биографии, представив его русским интеллигентом, волей судьбы оказавшимся в эмиграции. Однако нельзя поставить знак равенства между писателем и его героем. Скорее следует отнести безымянного повествователя к категории недостоверных рассказчиков. Сам термин «ненадежный» повествователь (*unreliable narrator*), как известно, был предложен У. Бутом для объяснения позиции нарратора, чье мнение не совпадает с позицией «всезнающего» автора [12; 13].

В пользу такого определения диегетического рассказчика в набокковском «Посещении музея» свидетельствует излишняя категорич-

ность его высказываний, необоснованность выводов и определенная степень ограниченности, демонстрируемая на протяжении всего описания событий и особенно в итоговых выводах этого персонажа.

Тема безумия организует событийный ряд и определяет специфику нарративной структуры произведения. Безумие как причина и двигатель описанных событий заявлено уже в первом абзаце рассказа. Повествуя о событиях, произошедших с ним во время посещения южного французского городка Монтизера, герой-рассказчик упоминает просьбу своего приятеля: разыскать и по возможности выкупить в местном музее портрет деда приятеля, написанный художником Леруа. На первый взгляд, ничего странного в этой просьбе нет, но в этом невинном поручении рассказчик усматривает свидетельство неадекватного поведения, выдумку, как он выражается, «блуждающего рассудка» его знакомого [5, с. 448]. Сам этот персонаж не появляется в рамках описываемого происшествия. Читатель поставлен в условия, когда он вынужден принимать на веру те характеристики, которые дает своему приятелю рассказчик. По его оценке, человек, обратившийся к нему с просьбой разыскать портрет, лишен способности «оставаться по сю сторону фантазии» [5, с. 446], это личность «со странностями, чтобы не сказать более» [5, с. 446]. Так с образом этого персонажа в повествование вводится мотив безумия.

И хотя герой-рассказчик не собирается выполнять «поручение симпатичного чудака», которое без каких-либо причин видится ему «решительно вздорным» [5, с. 446], он оказывается в том самом музее, где хранится упомянутый выше портрет. Последующие события демонстрируют расширение зоны безумия, которое в глазах их невольного участника, обретает свойство заразительности.

Герой посещает музей дважды. Уже при первом посещении обнаруживаются признаки абсурдности окружающего мира. Они проявляются, в частности, в бессистемности и хаотичности экспозиции, хранящей объекты, не сочетающиеся между собой, а порой и лишённые какой-либо исторической или эстетической ценности. Таковыми, например, являются разновеликие черные шарик,

напоминающие «подмороженный навоз» [5, с. 447], идентифицировать которые герою так и не удается.

Набоков выстраивает сюжетно-композиционную структуру своего рассказа таким образом, что читатель не сразу замечает эффект смещения с изображения вполне реальной обыденной действительности на некое ирреальное мироустройство. Время, проведенное героем в Монтизере до обнаружения портрета в городском музее, характеризуется статичностью. «Мертвые монтизерские улицы» [5, с. 446] выглядят как безлюдный лабиринт, где в каждом пролете виднеется надоевший шпиль «длинношеего собора».

Всё меняется после посещения музея. По выходе из него герой видит улицы, наполненные жизнью: по ним катит на серебряном велосипеде женщина в забрызганных после дождя чулках, мчится красный автокар, набитый поющими молодыми людьми. Статика сменяется динамичностью, которая не убудет до конца рассказа. Изменяется и отношение героя к просьбе его приятеля: «Мне, прямо скажу, понравилось, что портрет есть <...> Я решил немедленно закончить дело, а когда я вхожу во вкус, то остановить меня невозможно» [5, с. 448].

Но с этой динамикой нарастает и эффект безумия, обнаруживаемого героем в окружающем его мире. Поначалу безумие словно рассыпается в мелких, едва заметных ситуациях. Так, опекун музея мсье Годар, к которому обращается герой рассказа, в момент первой их встречи наклеивает марку на конверт письма, которое тут же отправляет в мусорную корзину. В другом случае мсье Годар объясняет свой отказ продать портрет тем, что должен сначала «посоветоваться с мэром, который только что умер и еще не избран» [5, с. 451]. Нарушение логических связей в построении этой фразы вполне соответствует дальнейшему усилению атмосферы ирреальности, царящей в музее.

Отрицая наличие портрета кисти Леруа в городском музее, мсье Годар всё же соглашается заключить пари: в случае обнаружения портрета герой получает возможность выкупить его, в случае же отсутствия платит ту же сумму. Пари закрепляется распиской. Однако впоследствии, убедившись в правоте героя-рассказчика, мсье Годар не только не выполняет условия договора, но разрывает расписку на мелкие клочки.

Приметы безумия нарастают при вторичном посещении музея. К их числу относится девиантное поведение посетителей, группы молодых людей из «сельско-спортивной корпорации»; странный плакат с надписью: «Посетители музея должны быть прилично одеты», хотя ситуация в музее скорее располагает к призыву «вести себя прилично».

Но более всего концентрация аномальности проявляется в деформации пространства (Подробнее см. об этом: [8] – И.П.), происходящей на глазах героя. Его перемещение по музею обнаруживает безграничность этого пространства, которое превосходит не только возможности любого здания, но и размеры самого города. Переходя из одного зала в другой, герой видит всё более и более крупные объекты: от огромного скелета кита до макетов вокзалов, туманных водоёмов, громадной модели мироздания. Диапазон внимания героя расширяется от абсурдных навозных «чавриков», составляющих часть экспозиции музея, до масштабов универсума. Происходит своего рода тематизация безумия. Галлюцинаторная действительность обретает исключительно пространственные параметры.

Подчеркивается и скорость, с которой одни объекты сменяются другими. Мотив бега реализуется с помощью глаголов движения: «я <...> *обежал* вокруг исполинского колена ...», «мы *перенеслись* еще в одну залу», «мы *взбежали* по лестнице», «мсье Годар *полетел* в следующую комнату» и т.п. (курсив наш – И.П.).

Искривление пространства вызывает у героя нестерпимое чувство страха. Глобализация же человеческой жизнедеятельности воспринимается не в качестве достижений, достойных гордости, а как кошмар, подавляющий психику человека. Характерно, что Набоков одним из первых ощутил угрозу, которую представляет глобализация мира для простого маленького человека, теряющегося в его лабиринтах.

Экспансия безумия захватывает и самого рассказчика. Вырвавшись из несоразмерно «удлинившегося» до масштабов мироздания музея, он попадает, как ему представляется, в реальный мир: «Я двинулся туда, и сразу отрадное и несомненное ощущение действительности сменило наконец всю ту нереальную дрянь, среди которой я

только что метался» [5, с. 453]. Оказавшись на заснеженных улицах родного русского города, герой испытывает чувство облегчения: «... из музейных дебрей я вышел на волю, опять в настоящую жизнь» [5, с. 453].

Но и в этом мире его подстерегают опасности, хотя и другого рода, чем в описанных приключениях в качестве посетителя музея. Безымянный герой набоковского рассказа понимает всю трагичность своего положения, лишь ощутив себя «полупризраком», фантомом иного мира на улицах «всамделешной», сегодняшней, безнадежно рабской и безнадежно родной ему России [5, с. 454]. Беззаконное проникновение эмигранта в сталинскую Россию не сулило ему ни малейшего шанса на выживание. Судорожно роясь в карманах, он уничтожает все признаки своей иностранной жизни: документы, письмо от сестры из Парижа, папиросы, французские деньги. Но даже полная нагота, по его собственному признанию, вряд ли смогла бы спасти его хрупкую жизнь.

Внимательный читатель понимает, что сама возможность, открыв дверь французского музея, выйти в российскую действительность, свидетельствует о расширении зоны аномальных явлений. Разумеется, элемент безумия в данном случае используется писателем как некая форма художественной условности, но логика развития сюжета позволяет увидеть в нем и средство характеристики главного героя. Оказавшись в зоне действия «чужого безумия» [5, с. 455], он и сам подвергается его воздействию. Об этом свидетельствует и финал рассказа, где рассказчик сообщает, что ценой «неимоверного терпения и трудов» ему удалось всё же выбраться из советской России обратно за границу. Такой финал, учитывая реалии революционной действительности, воспринимается как не менее фантастическое событие, чем путешествие по мирозданию, помещенному в узкие стены маленького музея.

Таким образом, небольшой рассказ о необычных приключениях русского эмигранта обретает черты антиутопии. Частный случай, послуживший толчком к последующим событиям в судьбе героя, перерастает границы мелкого житейского эпизода и становится ос-

новой для изображения аномальной действительности, наделенной чертами безумия.

Литература

1. Антошук Л.К. Концепция и поэтика безумия в русской литературе и культуре 20–30-х годов XIX в.: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: 10.01.01 «Русская литература» / Л.К. Антошук. – Томск, 1996. – 18 с.
2. Букс Н. Набоков и психиатрия. Случай Лужина / Нора Букс // Семиотика безумия. Сб. статей / Сост. Нора Букс. – Париж – Москва: Изд-во «Европа», 2005. – С.172-193.
3. Зими́на М.А. Дискурс безумия в исторической динамике русской литературы от романтизма к реализму: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: 10.01.01 «Русская литература» / М.А. Зими́на. – Барнаул, 200. – 22 с.
4. Иоскевич О.А. На пути к «безумному» нарративу (безумие в русской прозе первой половины XIX в.) / О.А. Иоскевич. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2009. – 164 с.
5. Набоков В.В. Посещение музея // Полное собрание рассказов / В.В. Набоков. – СПб.: Азбука, 2013. – С. 446-455.
6. Набоков В.В. От третьего лица / В.В. Набоков // Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / Сост., предисл., коммент. Н.Г. Мельникова. – М.: Изд-во Независимая Газета, 2002. – С. 493-511.
7. Назаров И.А. Художественное воплощение феномена безумия в творчестве Л.Н. Андреева: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: 10.01.01 «Русская литература» / И.А. Назаров. – М., 2013. – 23 с.
8. Поборчая И.П. Метаморфозы пространства в рассказе В. Набокова «Посещение музея» / И.П. Поборчая // Русская филология. Украинский вестник. – 2002. – №1-2 (21). – С.45-47.
9. Селезнева А.В. Эстетика безумия в традиции русского романтизма: дис. на соискание ученой степени канд. философ. наук : 09.00.04 / А.В. Селезнева. – СПб., 2005. – 152 с.
10. Терновая Т.А. Семиотика безумия в литературе русского авангарда / Т.А. Терновая // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 45. – 2010. – №21 (202). – С.134-139.
11. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

12. Booth, Wayne C. *The Rhetoric of Fiction* / W.C. Booth. – The university of Chicago press. – Chicago, 1983. – 552 p.

13. Booth, Wayne C. *The Company We Keep. An Ethics of Fiction* / W.C. Booth. – University of California Press. – Berkley, Los Angeles, London, 1988. – 557 p.

Анотація

І.П. Поборча. Тема божевілля в оповіданні

В. Набокова «Відвідування музею».

Предметом дослідження в статті стала тема безумства в оповіданні В. Набокова «Відвідування музею». Безумство, як і категорія пам'яті, складають основу набоковської картини світу. Внаслідок цього проблематика безумства визначає структуру і зміст багатьох творів письменника, що належать до різних жанрів. В оповіданнях, романах і драмах Набокова феномен безумства розглядається як в межах осмислення соціальних проблем суспільного устрою, так і в якості індивідуальної моделі поведінки людини. В процесі творчої еволюції Набоков переходив від простих міфопоетичних образів, притаманних його раннім оповіданням, до сатиричних і філософських напрямків художньої думки. Об'єктом його пильної уваги стала неповторна людська особистість, що поміщена в загадкові і багато в чому незрозумілі обставини. Разом з тим, будучи лютим супротивником будь-яких антилюдських режимів, він вбачав в них елемент безумства.

Показано, що оповідання «Відвідування музею» поєднує в собі реальні і фантастичні елементи. Тема безумства розвивається векторно: від зображення приватної людської долі до глобального узагальнення аномальної, руйнівної для людства дійсності. Невелике оповідання про незвичайні пригоди російського емігранта таким чином набуває рис антиутопії. Категорія безумства визначає і сюжетний розвиток оповідання, і його нарративну структуру, і концепцію всього твору.

Ключові слова: тема безумства, жанр, оповідання, картина світу, сюжет, нарратив.

Аннотация

И.П. Поборчая. Тема безумия в рассказе

В. Набокова «Посещение музея».

Предметом исследования в статье стала тема безумия в рассказе В. Набокова «Посещение музея». Безумие, как и категория памяти, составляют

основу набоковской картины мира. В силу этого проблематика безумия определяет структуру и содержание многих произведений писателя, принадлежащих к разным жанрам. В рассказах, романах и драмах Набокова феномен безумия рассматривается как в рамках осмысления социальных проблем общественного устройства, так и в качестве индивидуальной модели поведения человека. В процессе творческой эволюции Набоков переходил от простых мифопоэтических образов, характерных для его ранних рассказов, к сатирическим и философским направлениям художественной мысли. Объектом его пристального внимания становилась неповторимая человеческая личность, помещенная в загадочные и во многом необъяснимые обстоятельства. Вместе с тем, будучи яростным противником любых античеловеческих режимов, он усматривал в них элемент безумия.

Показано, что рассказ «Посещение музея» сочетает в себе реальные и фантастические начала. Тема безумия развивается векторно: от описания частной человеческой судьбы до глобального обобщения аномальной, разрушительной для человечества действительности. Небольшой рассказ о необычных приключениях русского эмигранта тем самым обретает черты антиутопии. Категория безумия определяет и сюжетное развитие рассказа, и его нарративную структуру, и концепцию всего произведения.

Ключевые слова: тема безумия, жанр, рассказ, картина мира, сюжет, нарратив.

Summary

I.P. Poborchaya. The Theme of Madness in

V. Nabokov's Story "The Visit to the Museum".

The subject of the research is the theme of madness in V. Nabokov's story "The Visit to the Museum". Madness as well as the category of memory constitute the basis of Nabokov's picture of the world. The problematics of madness thereby determine structure and content of many works by Nabokov written in different genres. In stories, novels and dramas phenomenon of madness is considered within a framework of analysis of social problems and as an individual model of human behavior. In the process of his creative evolution Nabokov was turning from simple mythopoetic images typical of his early stories to satirical and philosophical directions of artistic thought. The object of his attention was a unique human personality put in mysterious and inexplicable circumstances. Nabokov as a vigorous critic of any inhumane regimes traced an element of madness in any of them.

It is shown in the article that the story “The Visit to the Museum” combines real and imaginary origins. The theme of madness is developed vectorially: from the description of an individual human fate to the global generalization of abnormal, disruptive for a humanity reality. Thus, a short story about adventures of a Russian emigrant acquires some features of anti-utopia. The category of madness determines development of the plot, narrative structure, and concept of the story.

Key words: the theme of madness, genre, story, picture of the world, plot, narrative.

Інформація про автора

Поборча Ірина Петрівна: ORCID: 0000-0001-6552-1569; кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської та світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Блюхера, 2, 61168, м. Харків, Україна